

пытается в сообществе с ними опутать в свою пользу Революцию цепями»¹.

О да, что отличает всех этих буржуазных республиканцев, истинных учеников Робеспьера, – это их любовь к государственной власти во что бы то ни стало и ненависть к революции.

Эта ненависть и эта любовь у них общая с монархистами всех оттенков, вплоть до бонапартистов, и это торжество чувств, это инстинктивное и тайное сочувствие, оно-то их и делает столь терпимыми и столь удивительно великодушными к самым преступным слугам Наполеона III.

Они признают, что среди государственных людей Империи имеются действительно крупные преступники и что все они причинили Франции огромное, едва поправимое зло. Но, в конце концов, это были государственные люди: комиссары полиции – эти патентованные и украшенные орденами шпионы, доносившие постоянно для навлечения императорских преследований на все, что оставалось честного во Франции. Даже городовые, эти привилегированные избиватели публики, разве они не были, в конце концов, слугами государства? А государственные люди должны же относиться с почтением друг к другу, ибо официальные и буржуазные республиканцы прежде всего – государственные люди, и были бы очень сердиты на того, кто позволил бы себе усомниться в этом. Прочтите все их речи, особенно речи г. Гамбетта. Вы найдете в каждом слове эту постоянную заботу о государстве, эту смешную и наивную претензию выставлять себя государственным человеком.

Никогда не следует упускать это из вида, ибо этим все объясняется: и их снисходительность к разбойникам Империи, и их строгости против республиканцев-революционеров. Государственный человек, будь он монархист или республиканец, не может не испытывать ужаса перед революцией и революционерами, ибо революция – это ниспровержение государства, революционеры же – разрушители буржуазного строя, общественного порядка.

Не думаете ли вы, что я преувеличиваю? Я докажу это фактами.

Те буржуазные республиканцы, которые в феврале и в марте 1848 г. аплодировали великодушию временного правительства, которое покровительствовало бегству Луи Филиппа и всех министров и которое, уничтожив смертную казнь за политические преступления, приняло великодушное решение не преследовать никакого общественного чиновника за проступки, совершенные при предыдущем режиме, – эти самые буржуазные республиканцы, включая сюда, разумеется, г. Жюля Фавра, одного из наиболее фанатических, как известно, представителей буржуазной реакции в 1848 г. в Учредительном Собрании и в 1849 г. в Законодательном Собрании, а ныне члена правительства Национальной Обороны и представителя республиканской Франции для заграницы, – эти самые буржуазные республиканцы что говорили, что декретировали и делали они в июле? Употребляли ли они ту же снисходительность по отношению к рабочим массам, которых голод толкает на восстание?

Г. Луи Блан, тоже государственный человек, но социалистический государственный человек, ответит вам²:

Пятнадцать тысяч граждан были арестованы после июньских событий, и четыре тысячи триста сорок восемь сосланы без суда *в целях общей безопасности*. В течение двух лет они требовали суда; к ним послали комиссию *помилования*, и их освобождение было так же произвольно, как их аресты. Кто бы поверил, что найдется человек, который в девятнадцатом веке осмелится произнести перед Собранием следующие слова: «Было бы невозможно судить сосланных на Белль-Иль, против многих из них не существует материальных улик». И так как по утверждению этого человека, который был не кто иной, как Барош (Барош Империи и в 1848 г. соучастник Жюля Фавра и многих других республиканцев в преступлении, совершенном в июне против рабочих), *не существовало материальных улик*, которые заранее дали бы уверенность, что суд закончится осуждением, без суда присудили четыреста шестьдесят восемь человек, заключенных на понтонках, к ссылке в Алжир. Среди них фигурировал Лагард, председатель люксембургских делегатов. Он прислал из Бреста рабочим Парижа следующее прекрасное и трогательное письмо:

«Братья, тот, кто вследствие февральских событий 1848 г. был призван к завидной чести идти во главе вас, тот, кто в течение девятнадцати месяцев мог переносить вдали от своей многочисленной семьи муки самого чудовищного пленения, тот, наконец, кто только что *без суда* приговорен к десяти годам каторжных работ в чужой земле в силу применения *обратной силы закона, придуманного, голо-сованного и обнародованного под влиянием ненависти и страха* (буржуазными республиканцами), не

¹ Прудон. Общие идеи Революции. – Прим. Бакунина.

² Луи Блан, История Революции 1848 г., т. II. – Прим. Бакунина.